

КОММУНИКАТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются особенности описания обществ информационного и коммуникативного типа, являющихся результатом цивилизационного развития. Рассмотрены различные подходы к построению теории информации. Также проанализированы некоторые аспекты становящейся теории коммуникативности.

Ключевые слова: информация, коммуникативность, коммуникативные технологии.

У статті розглянуто особливості опису суспільств інформаційного та комунікативного типів, що є результатом цивілізаційного розвитку. Розглянуто різноманітні підходи до побудови теорії інформації. Також проаналізовано деякі аспекти теорії комунікативності, що розвивається.

Ключові слова: інформація, комунікативність, комунікативні технології.

In the article features the description of information and communication societies, such as resulting from the development of civilization and different approaches to the construction of the theory information. Also some aspects of formation of the communicative theory are analyzed.

The keywords: information, communication, communication technology.

Вряд ли сегодня кто-то рискнет отрицать бурное развитие современных информационных и коммуникационных технологий. Массив научной литературы, прямо или косвенно затрагивающий проблемы информации, информационного общества, информационных и коммуникативных технологий вполне сопоставим с тематикой, касающейся постмодернистской направленности. Однако, на наш взгляд, следует отметить определенное запаздывание теоретического обоснование информационного общества от практического использования информационно-коммуникационных технологий, поэтому создание научной концепции, способной синтезировать общие проблемы информационного общества, является чрезвычайно актуальным теоретическим заданием, решение которого позволит социальным субъектам всех уровней осознать роль и место в новых условиях, обосновать стратегию информационного развития Украины, выяснить особенности информационных процессов в условиях транзитивности и на этих основаниях эффективно решать именно практические задания создания и развития информационного общества в нашей стране.

Именно поэтому мы видим необходимость в формировании нового видения информационного общества в совокупности его важнейших сущностных характеристик и аргументировании того, что информационное общество является современным результатом цивилизационного развития, сущность которого заключается в увеличении масштабов создания, накопления, передачи, обработки и использования информации, преобразования информации и знаний в производительные силы общества, а также в усилении влияния новейших

информационно-коммуникационных технологий на политику, экономику, социальную структуру, культуру и, что нас более всего интересует, право.

Социальное развитие в его экономических, технологических, политических проявлениях затрагивает не только формы социальных институтов, но и прежде всего мировоззрение и бытийственные практики индивидов. Крах социальных образований, долгое время считавшихся традиционными и дополняющими друг друга; изменения технологического облика мира, далеко не решившие проблем социума, а в какой-то степени в частности усугубившие неравенство посредством формирования ситуации цифрового разрыва между членами общества; структурные кризисы политических систем, приводящие на примере нашего государственного опыта последних лет к девальвации легитимности и делегитимизации социальных институтов; фрагментаризация общественных движений, ведущая к размыванию общезначимых тенденций, – все это толкает как индивидов, так и социальные группы на поиски оснований, способных дать хотя бы минимум, но определенности, характеризующей наличие смысла в их существовании.

Мы знаем, что слово «информация» производно от лат. *informatio* – разъяснение, сведение, сообщение. В силу же того, что данное понятие относится к исходным, фундаментальным и предельным по уровню общности, его дефиниции, как правило, зависят от предмета исследования. В основе же всех мизансцен, включающих в себя понимание информации, лежит сделанное в 1928 году Р. Хартли умозаключение, что информация может быть оценена количественными характеристиками. Однако Хартли не был пионером в постановке задачи, ибо еще в 1921 году Р. Фишером достаточно точно были определены общие способы измерения количества информации. Ситуативным же денотатом явилось развитие в начале XX столетия многообразных средств связи – от телефона до радио, основной задачей которых в то время была передача сообщений, то бишь информации. Возникающие в ходе передачи информации проблемы: помехи, кодирование, надежность и т. д. – естественным образом породили теоретический раздел в рамках передачи и хранения информации – теорию информации, одним из которых был вопрос о возможности измерения количества информации.

В рассматриваемом нами случае Хартли поступил в соответствии с данными тезисами. Так, он предположил, что при любом выборе генерируется определенное количество информации, которая характеризуется тем, что выбор сделан и элемент этого выбора известен. Чем больше элементов, из которых надо выбрать, тем больше мощность множества. Отсутствие информации характерно для множеств, состоящих из одного элемента. Выбор из двух элементов дает минимальное количество информации, т. е. существует неопределенность выбора, но она минимальна. Таким образом, анализируемые сообщения освобождаются от их качественного различия – смысловых особенностей. В то же время остается универсальное измерение информационной оценки события – множество других событий и такое же множество сообщений о них.

Из вышеизложенного выводится первое требование теории информации, декларируемое в большинстве учебников по информатике: *информация есть монотонная функция от мощности исходного множества* [1].

Завершенность теории информации придал в 1948 году американский инженер Клод Шеннон. В связи с развитием теории советскими исследователями А. Н. Колмогоровым, А. А. Харкевичем, Р. Л. Стратановичем в последнее время муссируется некоторая интрига, связанная с якобы полученными в результате рассекречивания немецких архивов данными, по которым, аналогично работе Шеннона, в 1938 году А. Н. Колмогоров пришел к тем же результатам, но в силу секретного характера разработок они не были опубликованы.

Если говорить о принципиальном различии в подходах Хартли и Шеннона к построению теорий информации, то оно сводится к различению непараметрических и параметрических методов в статистике. И если у Хартли основное требование, накладываемое на многообразие элементов исходного множества, только одно – должна существовать возможность отличия элементов множества друг от друга, то у Шеннона используемая статистика учитывает случайные события нормальным образом, что ведет к следующему: мера одной из теорий асимптотически переходит в меру другой при условии, что вероятности всех событий равны.

В дальнейшем, в 50-е годы XX столетия, Р. Эшби [2] сформулировал концепцию разнообразия, в которой заключил, что теория информации изучает процессы передачи разнообразия, причем информация не может передаваться в большем количестве, чем это позволяет количество разнообразия.

Вместе с тем следует отметить, что предикатирование информации только через количественные характеристики и методы математической статистики не дает права социологам, предлагающим рассматривать современное общество как информационное, говорить о качественном изменении общества. Отдавая должное эвристичности понятия «информационное общество», нельзя не видеть, что это понятие не содержит в себе академической точности. В то же время, при лавинообразном росте количества информации, многие исследователи отмечают опасные тенденции в манипулировании «бескачественностью» информации, что иногда имеет глубокие социальные и идеологические подтексты. «Информация имеет привкус безопасной нейтральности; и очень просто и полезно нагромождать горы бесспорных фактов. Такое невинное прикрытие – великолепная стартовая позиция для политических замыслов технократов, которые не хотят открывать, насколько это возможно, свои истинные цели. В конце концов, что можно возразить против информации?» [3]. Естественным образом возникает проблемное поле, в рамках которого делаются попытки осмысления качественного потенциала информации. «Бит полностью абстрагируется от содержания информации... и хотя он чрезвычайно полезен инженерам по телефонии... теоретики социальных систем нуждаются в единице измерения, которая бы принимала во внимание значение» [4].

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что понятие «информация» сегодня во многом определяет социальную парадигму постмодернизма, как бы сам постмодернизм не отрекался от «тлетворного влияния» социологических методологов. В контексте этого вполне уместен вопрос: не является ли постмодернизм как методология следствием более ранних методологических претензий, выраженных в социологических теориях Белла [5], Бжезинского [6], Тоффлера [7], Дракера [8]?

Каждый раз, когда новое понятие прописывается в профессиональном концептуальном поле, необходимо рассмотреть процедуры позиционирования с уже прописавшимися в этом поле понятиями. Одним из таких понятий является и понятие коммуникативности, употребляемое в различных контекстах к месту и не очень.

Так, сегодня понятие «коммуникативный» эманерирует возникновение не только новых проблемных полей, но и самостоятельных направлений в науке, одним из которых является коммуникативная лингвистика, рассматривающая в качестве единиц коммуникации разнообразные речевые акты: утверждение, просьбу, вопрос и прочее. Коммуникативная значимость структурных элементов данных единиц – слов, предложений – проявляется в связном тексте.

Следует отметить, что небольшая по времени история коммуникативистики уже имеет своих гуру – как академических, так и не очень. К последним, на наш взгляд, можно отнести достаточно эпатажную фигуру Г. М. Маклюэна (1911–1980), не всегда академичный стиль работ которого оказал и оказывает влияние как на развитие теории в целом, так и на отдельные ее направления. В описании истории западной цивилизации Маклюэн выделяет три этапа. Первым является доисторическая культура, заканчивающаяся изобретением в Шумеро-Аккадской цивилизации письменности. Вторым этапом выступила культура, названная им «Галлактика Гуттенберга», породившая новый тип человека – «типографского и индустриального». Третий этап порождается, согласно Маклюэну, открытием электричества, которое является продолжением нервной системы человека в различных технико-коммуникационных средствах: радио, телевидении и, после смерти Маклюэна, сети Интернет.

На сегодняшний день специалисты так и не пришли не только к общему мнению о том, что такое теория коммуникации, но даже не определились с предметными областями, исследуемыми данной теорией. Скрупулезнее остальных проблему понятия коммуникация исследует заведующий кафедрой коммуникации в Колорадском университете Роберт Крейг.

В сферу своих интересов он включил когнитивные процессы коммуникации, процесс аргументации, философию и методологию коммуникации как практической дисциплины, структуру коммуникативной теории в рамках научной дисциплины. Благодаря его инициативе и непосредственно под его редакцией выходил основанный им же научный журнал «Коммуникативная теория», издаваемый Международной коммуникативной ассоциацией с 1991 года.

В своих говорящих сами за себя работах «Теория коммуникации как область знания» (1999), «Практико-теоретическая аргументация» (1996), «Почему существует так много теорий коммуникаций?» (1993) профессор Р. Крейг достаточно ясно сформулировал те проблемы, которые должна разрешить становящаяся теория коммуникации.

Одним из наиболее цитируемых в западной литературе по коммуникативистике пассажей Р. Крейга является утверждение, что существование разных трактовок в понятии «коммуникация» связано с тем, что исследованиями в этой области занимаются специалисты разных профессий, каждый из которых рассматривает коммуникативистику применительно к своему роду деятельности и зачастую не

интересуется работами коллег из других сфер. Р. Крейг выделяет семь дисциплинарных подходов к теории коммуникации: риторический (rhetorical), который рассматривает коммуникацию как практическое искусство дискурса; семиотический (semiotic), исследующий коммуникацию как систему знаков; феноменологический (phenomenological), который изучает способы организации общения между людьми, диалог; кибернетический (cybernetic), для которого коммуникация – это процесс обработки и передачи информации; социопсихологический (sociopsychological), изучающий коммуникацию как способ воздействия на поведение человека, групп людей, общества в целом, опираясь на знание психологии; социокультурный (sociocultural), согласно которому коммуникация рассматривает создание или воссоздание общественного порядка, взаимодействие людей в социуме; критический (critical), предметом исследования которого является отражение дискурса [9].

Таким образом, можно говорить об определенной преемственности в становлении как информационного общества, так и основанных на его посылах новых теоретико-методологических принципов, в том числе коммуникативности в целом и коммуникативных технологий в частности.

Литература

1. Барвенков С. А. Предмет и основные понятия информатики [Электронный ресурс] / С. А. Барвенков. – Режим доступа : http://www.law.bsu.by/pub/11/barvenov_5.pdf
2. Эшби Р. Введение в кибернетику / Р. Эшби. – М. : КомКнига, 2005. – 432 с.
3. Roszak T. The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking / Roszak T. – Cambridge : Lutterworth press, 1986.
4. Boulding K. The Economics of Knowledge and the Knowledge of Economies / Boulding K. // American Economic Review, 56 (2): 1–13, reprinted in Lamberton, Donald M. (ed.) 1971.
5. Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting / Bell D. – New York: Basic Books. (First published 1973).
6. Bzezinski Z. Between two ages: America's role in the technetronic era / Bzezinski Z. – N.Y., 1970.
7. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М., 1999. – 784 с.
8. Drucker P. Post-capitalist society / Drucker P. – N.Y., 1993.
9. Craig R. Communication Theory as a Field. Communication Theory / Craig R. // A Journal of the International Communication Association. – Vol. 9, – 1999. – Pp. 119–161.